

Мальшина Наталия Анатольевна

Malshina Nataliya Anatolyevna

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Саратовской государственной консерватории
имени Л.В. Собинова

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Humanities,
Saratov State Conservatory

ПРИНЦИПЫ ТОЖДЕСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ОБОСНОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ [1]

PRINCIPLES OF IDENTITY AND DIFFERENCES IN SUBSTANTIATION OF COMMUNICATIVE MODEL OF CULTURAL SPACE [1]

Аннотация:

Механизм развития пространства культуры целесообразно раскрыть с помощью принципа взаимодействия тождества и различия. Проблема тождества и различия выступает как принцип формирования механизма развития культуры, когда отождествление некоторой концепции с предыдущей порождает пропасть различия между ними, и наоборот: когда предметное отрицание тождества может быть свидетельством его принципиального присутствия. Мир культуры – подвижное множество «текстов», в которых растворяются индивидуальное человеческое сознание и индивидуальная человеческая деятельность. Коммуникативная модель выступает общим моментом, объединяющим различные культурные традиции посредством постоянного процесса передачи информации. Вся русская среда, являясь чрезвычайно семиотичной, формируется разнообразными сочетаниями принципиально несводимых друг к другу культурных кодов или кодов, декларирующих противоречие друг другу, но на самом деле являющихся сближенными. Конечным результатом коммуникативной модели развития является последовательный синтез порядка и хаоса, энтропии в системе, поддерживаемой в течение определенного времени обменом со средой энергией и информацией.

Ключевые слова:

коммуникативная модель, пространство культуры, индустрия культуры, принцип тождества и различия.

Summary:

It is advisable to reveal the mechanism of development of the cultural space using the principle of interaction of identity and difference. The problem of identity and difference acts as the principle of the formation of mechanism for the development of culture, when the identification of a concept with the previous one creates a gap of difference between them, and vice versa: when the substantive denial of identity can be evidence of its fundamental presence. The world of culture is a moving multitude of "texts" in which individual human consciousness and individual human activity dissolve. The communicative model is a common moment, uniting various cultural traditions through an ongoing process of information transfer. The entire Russian environment, being extremely semiotic, is formed by various combinations of fundamentally irreducible cultural codes or codes that declare a contradiction to each other, but in fact are close. The final result of a communicative development model is a consistent synthesis of order and chaos, entropy in the system, maintained over time by exchanging energy and information with the environment.

Keywords:

communicative model, cultural space, culture industry, principle of identity and difference.

Введение

Механизм передачи онтологической традиции пространства культуры целесообразно раскрыть через проблему тождества и различия, рассматриваемую как философская проблема и как принцип самоопределения. Соотношение историко-философского и онтологического исследований может быть условно представлено в нескольких направлениях.

1. Научная традиция: историко-философское исследование онтологии. По существу, здесь мы имеем дело с историей онтологии, которая представляется в качестве исторически развивающейся науки. Способ подобного исследования по преимуществу исторический, соответственно, итоги, выводы и цель исследования являются историческими и имеют соответствующую этой науке значимость. Онтология в таком исследовании предстает самостоятельной наукой, имеющей свои исторические и предметные границы, а само исследование заключается в прослеживании исторических взаимосвязей внутри этих границ.

2. Метафизическая традиция: онтологическое исследование истории (философии). Этот способ исследования исторически предшествует предыдущему. Можно сказать, что речь идет о метафизической традиции философствования. В пределах этого типа исследования встречаем

представление о философии истории. Онтология выступает не предметом, но средством исследования, что подразумевает ее универсальный характер и высокую степень доверия исследователей к ней как к инструменту познания. Впоследствии, в эпоху критики метафизики, под сомнение ставилась именно применимость подобного подхода. Заявлялось, что история философии шире, чем онтология, что последняя является лишь частью, порождением первой, а потому заведомо непригодна в качестве инструмента. Подобная критика оказалась возможна лишь со становлением и окончательным закреплением в XIX в. историзма как задающей тон любого гуманитарного исследования силы. Здесь всеохватность истории и ситуация исследователя, в самой истории находящегося, исключала любой критерий и любой инструмент исторической оценки, кроме как заданный самой же историей. Неудивительно, что историзм как течение и принцип исторического исследования сам появляется лишь в качестве релятивизации метафизической традиции: начиная от мыслителей эпохи Просвещения и заканчивая изысканиями и импульсами, которые получила европейская гуманитарная мысль от И.Г. Гердера, И.В. Гете и Л. Ранке.

3. Традиция тождества: совпадение истории философии и онтологии. Этот тип исследования исторически самый редкий, но именно по этой причине его нельзя назвать случайным. В данном случае метод исследования и его предмет совпадают.

Однако выявленные три типа существуют лишь в идеальной реальности, в абстрагирующем их сознании. Будучи воплощены в конкретном исследовании, любой из них теряет свою «чистоту», пересекаясь с остальными и наслаиваясь на них.

Остановимся на третьем подходе, так как он наиболее полно совпадает с методологией исследования и поставленной целью – выявление и анализ онтологических обоснований мира культуры.

Методы

Основанием исследования выступает проблема тождества и различия, которую во вполне оформленном виде встречаем уже у «отца онтологии» Парменида. Подобное ограничение не свидетельствует о сведении всего многообразия онтологической проблематики к единственной теме, но есть необходимый методологический прием, позволяющий систематизировать предметное поле исследования.

Мы не можем здесь в должной мере, ограничиваясь рамками исследования, раскрыть проблему тождества и различия – в противном случае метод исследования заместил бы собой предмет. Однако необходимо выделить два подхода к проблеме.

1. Предметный подход: тождество и различие как предмет философского исследования. В данном случае мы сталкиваемся с онтологическим ходом мысли, которая ставит проблему тождества и различия в центр мышления. Однако ориентация исключительно на данный подход значительно сужает поле зрения, скрывая от нас те случаи, когда либо, не будучи явно высказанной, проблема тождества и различия определяла эксплицитное содержание теории, либо не относясь к этой проблеме теории существенно влияли на представление и формулировку проблемы. Поэтому, чтобы избежать заведомо опрочечивого ограничения, необходимо рассмотреть проблему тождества и различия еще и в качестве принципа передачи философской традиции.

2. Методологический подход: проблема тождества и различия как принцип формирования философской традиции. Здесь мы встречаемся с той ситуацией, о которой речь шла выше и которая получила условное название традиции тождества: предмет философии становится способом ее изучения. Конечно, мы не вправе говорить об их окончательном тождестве, однако можем смело указать на прямую сущностную корреляцию, когда достижение философской мысли становится способом ее изучения. Подобие этого отождествления выделяет и все оттенки различия предмета и метода: не всегда там, где тождество и различие становятся предметом мысли, можно безусловно констатировать приведение в действие одноименного принципа, и наоборот.

Но тем не менее здесь может быть выявлен один интересный механизм утверждения истории философии, когда отождествление некоторой концепции с предшествующей порождает пропасть различия между ними, и наоборот: когда предметное отрицание тождества может быть свидетельством его принципиального присутствия.

Обсуждение

Философские концепции, пытаясь обнаружить жизненную основу интерпретаций, предлагали тем самым соответствующие онтологии. Рассматривая процесс производства текстов как «производство действительной жизни» людьми, область существования текста можно определить как «пространство дискурса». Жизнь духа в этом «пространстве» – это «герменевтика», процесс смены конкурирующих, взаимодействующих интерпретаций.

Исходя из анализа В. Топорова, пространство можно рассматривать как ряд трансформаций: время сгущается и становится формой пространства, втягиваясь в движение времени; простран-

ство отдалено от того, что им не является, и является отдельным; пространство обладает внутренней организацией; у пространства есть центр с особыми свойствами, к центру пространства ведет путь, нейтрализующий противопоставления; внутреннее пространство «сильнее» внешнего пространства, так как проверяются возможности, нигде более не реализуемые [2, с. 716].

Дискурс открывает взору исследователя такие характеристики языка, как бытие в качестве акта, привязка к моменту коммуникативной ситуации, соответствующему в структуре текста данному, подвергаемому анализу и описанию лингвистическому феномену, наличие выбора и новизны. Так как специфика человеческого бытия, сама его суть – это «бытие в речи», то вполне естественной становится «встреча» семантики, лингвистики, имяславия с онтологией языка.

Речь идет о конструктивном хаосе, создающем почву для нового развития, в отличие от деструктивного, ведущего систему к гибели. «Конструктивный хаос конструктивен через свою разрушительность и благодаря ей разрушителен на базе конструктивности и через нее. Разрушая, он строит, а строя приводит к разрушению» [3, с. 18]. Тогда модель развития будет состоять из смены состояний хаоса и порядка.

В данном аспекте визуальная коммуникация становится способом выражения отвлеченных понятий, простых и сложных и в которых конкретные изображения становятся знаками и символами идей. Именно визуальная коммуникация в отличие от числовой является способом выражения мира культуры [4, с. 53]. Визуальная коммуникация позволяет резко увеличить поток информации, исходящей от символа. Именно в иконописи П.А. Флоренский строит целую семиотическую науку об организации пространства, во многом однородную для разных искусств. Ритмика вводит пространственность музыкального произведения, симметрия – архитектурного, выпуклость объемов – скульптурного.

Результаты

«Мир» – это мир культуры, т. е. подвижное множество «текстов», в которых растворяется индивидуальное человеческое сознание и индивидуальная человеческая деятельность. В этом «мире» все «дуализмы» онтологии, теологии и гносеологии превращаются в подвижные различия [5, с. 156]. Возникающие в результате этого отношения не являются отношениями между стабильными субстанциональными единствами, а сами эти образования не существуют вне отношений и не обладают перед ними никаким онтологическим преимуществом. Так возникают «индивидуальности», вокруг которых образуется специфический мир, мир культуры [6].

Мир культуры все чаще становится моделью для понимания изменений в других сферах деятельности, что является следствием увеличения роли символической креативности и (или) коммуникации, циркуляции информации в социальной и экономической жизни. Необходимое определение модели мира культуры концентрируется на изготовлении и распространении текстов в виде продукта деятельности, влияющих на понимание мира. Модель мира культуры рассматривается как сложная структура изготовления и распространения текстов, а в конечном счете – символов, являющихся главными изготовителями текстов. Тексты по определению не могли бы без них существовать, несмотря на индустриальные системы их (текстов) воспроизводства. Модель культурных сфер деятельности состоит из концентрированных кругов, в центре которых находятся арт-сферы деятельности, а все остальные образуют свои слои или круги, размещающиеся вокруг центра, простирающиеся все дальше, по мере того как использование креативных идей включается в более широкий производственный контекст [7, р. 21]. В степени расхождения от центра располагаются «...культурные индустрии, чья продукция считается культурным товаром, но которые также производят другие товары и услуги, не имеющие отношения к культуре; индустрии, в основном действующие вне культурной сферы, но производящие продукты, в которых можно разглядеть некое культурное содержание» [8, р. 58].

Затруднения в определении индустрий культуры обусловлены неразработанностью понятийного аппарата. Современное взаимопроникновение общества, творчества и бизнеса провоцирует появление новых рычагов и механизмов культуры в России и (или) адаптации мировых в российской специфике. Коммуникативная модель выступает общим моментом, объединяющим различные культурные традиции (рисунок 1). Коммуникативной можно считать любую ситуацию возможного общения.

В рамках коммуникативной модели происходит постоянный процесс передачи информации. Вся русская среда, являясь чрезвычайно семиотичной, формируется разнообразными сочетаниями принципиально несводимых друг к другу культурных кодов или кодов, декларирующих противоречие друг другу, на самом деле являющихся сближенными. Конечным результатом коммуникативной модели развития является последовательный синтез порядка и хаоса, энтропии в системе, поддерживаемой в течение определенного времени обменом со средой, энергией и информацией. В замкнутой системе энтропия стремится к максимуму, в открытой системе возможно стремление и к максимуму, и к минимуму.

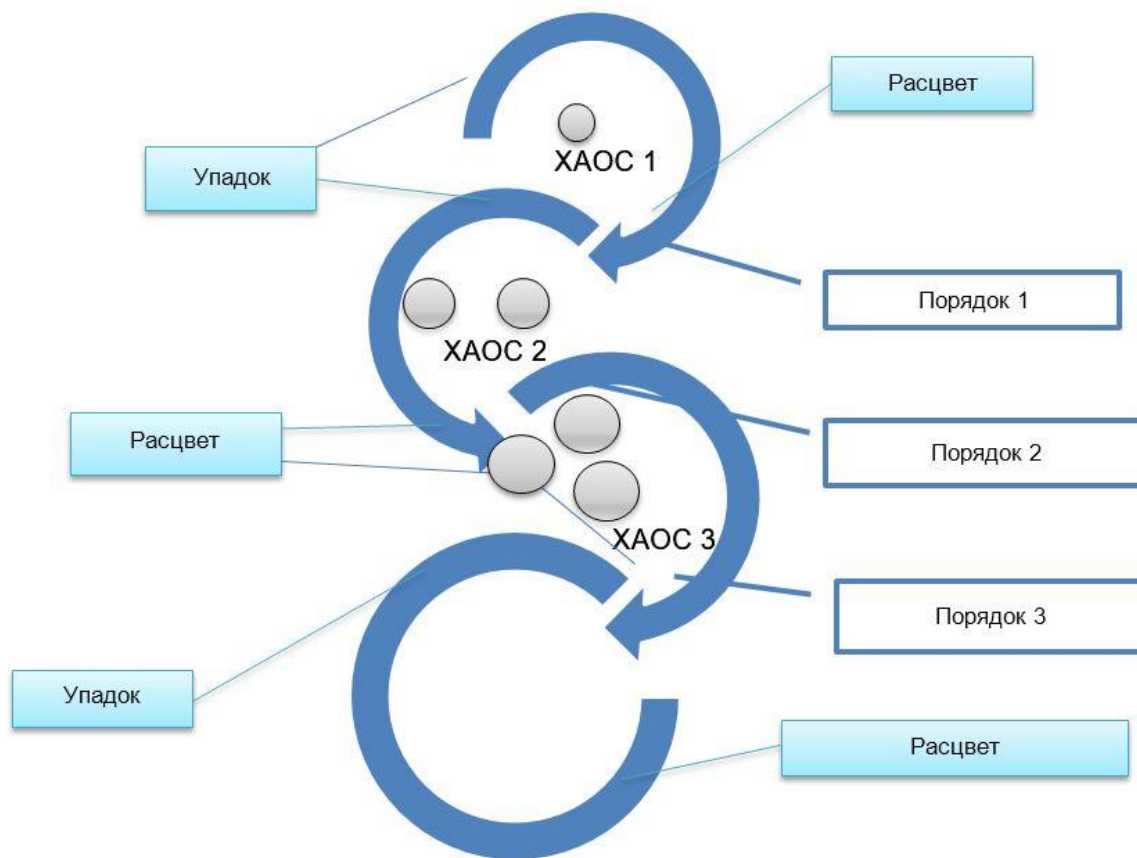

Рисунок 1 – Коммуникативная модель развития пространства культуры

Всеобщий и всеобъемлющий характер этой категории следует из того, что любой продуцирующий человек находится в определенных условиях и его целью при создании текста всегда является коммуникация, т. е. действие в коммуникативном пространстве. А мир культуры как сфера, основанная на текстах, есть подвижное множество «текстов», в которых все «дуализмы» превращаются в подвижные различия, не существующие вне отношений.

Ссылки и примечания:

1. Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-01004\19 «Разработка организационно-экономических и финансовых механизмов поддержки и стратегического развития индустрии культуры в регионах России».
2. Почепцов Г.Г. Русская семиотика. Идеи и методы, персоналии, история. М. ; Киев, 2001. 763 с.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3–20.
4. Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб., 1993. 365 с.
5. Мальшина Н.А. Феноменологическое видение художественной культуры // Проблемы художественного творчества в аспекте исполнительской деятельности : сборник статей по материалам Всероссийских научных чтений, посвященных Б.Л. Яворскому / отв. ред. Л.Г. Сухова. Саратов, 2017. С. 152–157.
6. Там же.
7. Bourdieu P. The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature / ed. and introd. by R. Johnson. Cambridge (Mass.), 1993. 321 p.
8. Throsby D. Economics and Culture. Cambridge, UK, 2001. 208 p.

References:

- Bourdieu, P & Johnsons, R (eds) 1993, *The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature*, Cambridge, Massachusetts, 321 p.
- Florensky, PA 1993, *Iconostasis. Selected Works of Art*, St. Petersburg, 365 p., (in Russian).
- Knyazeva, EN & Kurdyumov, SP 1992, 'Synergetics as a New Worldview: Dialogue with I. Prigozhin', *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 3-20, (in Russian).
- Malshina, NA 2017, 'The Phenomenological View on the Artistic Culture', in LG Sukhova (eds), *Problems of Artistic Creativity in*

the Aspect of Performing Activity: Collection of Articles on the Materials of All-Russian Scientific Readings Devoted to B.L. Yavorsky, Saratov, pp. 152-157, (in Russian).
Pochepstov, GG 2001, Russian Semiotics. Ideas and Methods, Personalities, History, Moscow, Kiev, 763 p., (in Russian).
Throsby, D 2001, Economics and Culture, Cambridge, 208 p.

Редактор: Тальчук Калерия Сергеевна
Переводчик: Ездина София Александровна